

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ

ОТ РЮРИКА
ДО ЕЛЬЦИНА

УЧЕНЫИ

КБТ

Сергей Алдонин
Михаил Задорнов. От
Рюрика до Ельцина
Серия «Кот ученый»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68716212

Михаил Задорнов. От Рюрика до Ельцина:

ISBN 978-5-00180-866-4

Аннотация

Эта книга интервью писателя Михаила Задорнова посвящена истории, ее самым острым проблемам, начиная с тайны князя Рюрика заканчивая той войной, которую не первый век ведёт Европа против России. Задорнов спорит, рассуждает о наших исторических корнях, выдвигает умопомрачительные гипотезы, выстраивает аналогии и... часто оказывается прав. Многие проблемы, на которые он когда-то первым обратил внимание, сегодня составляют политическую повестку дня. Задорнов считал, что только знание исторической правды может обеспечить России суверенную и победную идеологию. Прислушаемся к писателю, которого неспроста называли Вещим Задорновым.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Неразгаданный Задорнов	5
Путь к истории	12
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Алдонин
Михаил Задорнов. От
Рюрика до Ельцина

© Алдонин С., 2023

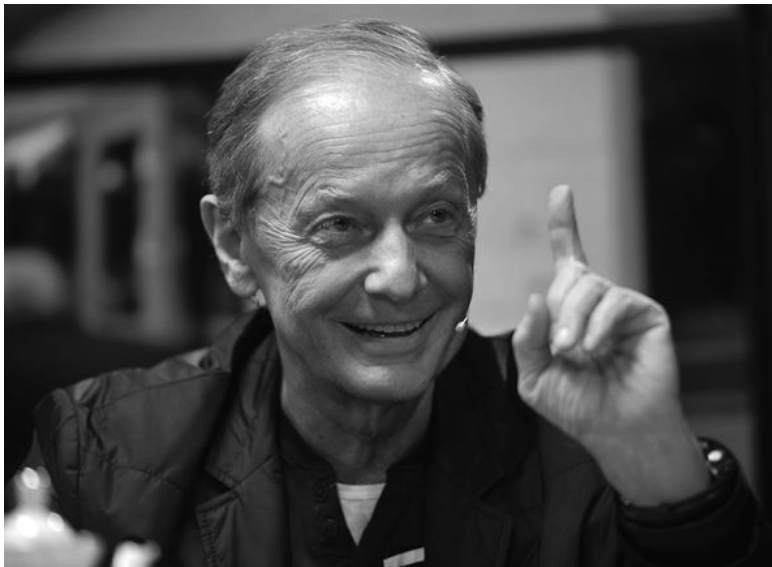
© ООО «Издательство Родина», 2023

Неразгаданный Задорнов

Кем он был, Михаил Николаевич Задорнов, человек, который умел удивлять, умел приходить на помощь, но главную его черту я бы определил коротким словом «талант».

Михаил Николаевич Задорнов останется в памяти бегущим, летящим. Вечная спешка! Вот уж кто не ведал праздности. Просто убегал от неё. Его разрывали замыслы, рукописи, встречи, интернет-подначки, наконец, концерты, гастроли, книги...

Он жил делами послезавтрашнего дня и потому редко опаздывал. Ведь и шутка, и афоризм хороши ко времени. Тут важно вырваться вперёд. Победитель получает всё. Его победы уже вошли в русскую речь, добавили ей сарказма, вооружили нас новыми каламбурами и притчами. Продолжатель своего отца, Николая Павловича Задорнова, он не мог себя представить вне истории, вне прошлого. Отца он вспоминал в каждом разговоре. От отца – и понимание русского пространства, и рачительное отношение к своей стране.

Михаил Задорнов

Иногда он превращался в варяга из рюриковой дружины, иногда – в книжника, который постиг алхимию языка. Это театр Михаила Задорнова. Скучно жить без перевоплощений. Одно ампула, один краткий земной срок – этого мало. Он менял маски, постоянно устраивал мистификации. Они начинались ещё до порога, до станиславской вешалки. На автоответчике телефона, в слухах, которые бежали впереди него. Но при всём своём натренированном лицедействе слову, честному слову Михаил Задорнов не изменял.

Он говорил, что сожалеет о некоторых своих репризах

времен поздней перестройки. «Мы невольно приблизили распад Союза, многих людей настроили не только против власти, но и против страны. Это было помрачение умов. Захлестнул азарт. Мы ловили успех и не думали, что всё обрушится». Эти слова он повторял часто, на разные лады. Это сидело в нём. Вообще-то сатирик не обязан быть охранителем. Но он раскаивался – один из немногих среди властителей перестроечных дум. Задорнов умел и раскаиваться, и сочувствовать.

И в этом не было кокетства. Задорнов жил между Ригой и Москвой и хорошо понимал, как мы ограбили себя, когда не уберегли Советский Союз. При Ельцине он мог стать придворным острословом с гарантированным ангажементам. Но его шутки в 90-е становились всё горше, а политические оценки – резче. Задорнов стал невыносимым для власти. У него и в постсоветское время насчитывались десятки «непроходных», полузапретных миниатюр. Задорнов дорожил «самостоянием человека». Он и памятник отцу на Амуре поставил, не дожидаясь бюрократического одобрения. Ведь Амур – река русская и задорновская.

Он не участвовал в политических кампаниях, не кричал: «Голосуй или проиграешь», хотя это дельце выгодное, а Задорнов мог бы стать козырным тузом в любой колоде. Но его мутило от «административного восторга». Он не записался в отряд политического «бригадмила». Погнушался.

Зато именно Михал Николаич много лет задавал тон на-

шим представлениям обо всём на свете, начиная с высоких материй и «далее со всеми остановками», вплоть до шпингалетов, которые ввинчены не с той стороны. Ему верили. Даже в последние годы, когда доверие в таком дефиците, что куда там американским джинсам 70-х годов! Подхватывали его шутки, считывали намёки, когда он держал паузу. Он верил в фольклор. В народную стихию, которая сохраняет всё лучшее, отбрасывая шелуху. И в литературе высоко ценил именно фольклорное начало. Легенды, сказки, пословицы – наверное, это и есть бессмертие. А Задорнов блёсток рассыпал немало, многое останется в поговорках, в анекдотах. Лучшей участи и не нужно.

В его болезнь невозможно было поверить. Да и сейчас не верится. Может быть, он тайком отправился в далёкое путешествие на варяжской ладье – энергичный, поджарый, а мы устроили панихиду. Задорнову всегда есть куда плыть. Я помню наш последний разговор – по телефону. Он позвонил, поймав меня где-то в дороге, под трели трамвая. Мы говорили о документальном сериале, посвященном династии Романовых. Эти фильмы не напоминали бы его громко прозвучавшие ленты-монологи о Рюрике и Вещем Олеге. Другая стилистика, другая проблематика, более основательная историческая основа, множество свидетельств, дискуссия на экране. А еще – археология, музеи отечественные и не только, актерские эпизоды. И, конечно, гипотезы – самые неожиданные, смелые. Его всегда интересовали новые ракурсы.

Без штампов, без закоряченности консерватизма.

Михаил Николаевич с жаром рассказывал, что добился, чтобы в Петропавловском соборе перед нами открыли захоронения Александра I. Мы хотели подробно рассказать про легенду о Фёдоре Кузьмиче. Интересную серию мы задумали о 1812 годе и о Священном союзе, который вымечтал Александр I. И вообще, это был бы необычный сериал. С одной стороны – исторически выверенный, с другой – собрание легенд. И без всякого модного нынче пиетета перед коронованными особами. Этого подобострастия не было ни у Задорнова, ни у автора эти строк. Это был наш главный принцип – противостоять фальшивому, слащавому и в значительной степени обманному монархизму, который в то время входил в моду.

И многое у нас уже было готово. Только Михаил Николаевич сказал, что уезжает на пару месяцев отдохнуть от гастрольной круговерти. Вот вернется – и поработаем. А потом его телефон замолчал. Переутомление оказалось жестокой болезнью, которую он не поборол. Впервые в жизни не вышел победителем из схватки. Но не проходит дня, чтобы мы его не вспоминали. Остролова, выдумщика, патриота, радетеля за историю, наконец, благородного человека, который бескорыстно помогал стольким способным людям... И была в нем человеческая тайна, разгадать которую невозможно, да и не нужно разгадывать. Всё осталось в его словах и поступках. В его артистизме и принципиальности.

К Задорнову-историку принято относиться снисходительно. Вообще-то историком он не был. И сам себя таковым не считал. Но во все времена роль популяризатора была и остается уважаемой среди настоящих ученых. А в наше время, когда пропаганда затмила собой почти всё – особенно. А у Задорнова было, как минимум, три ценнейших качества: он всегда был пытлив и любознателен как мальчишка; он не стеснялся признавать своих ошибок и учиться; он был непритворным патриотом и «болел» за нашу страну. Добавим литературный и артистический талант, который помогал ему превращать свои мысли в мысли миллионов людей. Ведь он на эстрадных концертах цитировал Иловайского, Рыбакова... Думаю, многие с подачи Михаила Задорнова начинали читать выдающихся историков. Нельзя не отметить и его отношение к фольклору. Тут уж сказался литературный талант, писательская проницательность. Он знал, что легенды – это сокровищница знаний об истории. И часто обращался к ним. Увы, полёт писателя оборвался неожиданно, он не успел написать своих главных книг, снять свои лучшие фильмы. Но и то наследие, которое Задорнов нам оставил, огромно. От юмористических скетчей до рассуждений о языке и религии. В этой книге мы собрали интервью, которые дал Михаил Николаевич в XXI веке, когда увлечение историей и языкознанием стало одним из смыслов его жизни. Здесь – и рассуждения о его любимых героях древности, и беседы о крупных политиках XIX века, которые тоже вхо-

дили в круг интересов писателя. Разговаривали мы и о совсем недавних временах, которые Михаил Николаевич знал не по архивам...

Слава не превратила Михаила Задорнова в прижизненный памятник самому себе. Памятники впереди. А он ещё живой.

Сергей Алдонин

Путь к истории

– Михаил Николаевич! В последние годы вы всё чаще выступаете в роли историка...

– Историка-любителя среди профессионалов.

– Вот именно. Но вам многое удалось всколыхнуть. А с чего начался ваш интерес к прошлому, к исторической науке?

– В какой-то момент я понял, что контроль над прошлым дает власть над умами. И мы – люди, которые собираются жить в России и любят свою Родину – ее напрочь потеряли. Причем, давным-давно. Каждый не любит, когда его обманывают. Когда обманывают целый народ – это совсем неприятно. Но дело даже не в правдолюбии. Я считаю, что мы не можем нормально развиваться, пока не разберемся в прошлом. Давайте вспомним горбачевскую перестройку. Я ведь, к сожалению, принял в ней посильное участие. О чем тогда писали больше всего – особенно на первых порах?

Михаил Задорнов

– Об истории, о прошлом, о сталинских временах.

– Именно! Идеологи, перед которыми стояла задача уничтожения страны, не были дурачками и прекрасно понимали, с чего нужно начинать. До Перестройки почти весь советский народ считал революцию великим мировым свершением, Ленина – героическим вождем, а нашу страну – самой справедливой в мире. Конечно, были диссиденты и вольнодумцы, как везде и всегда. Но их у нас было меньше, чем, например, в Америке. А где-нибудь в Хабаровске за антисоветские речи могли и по шее дать. И не по разнарядке, не по

комсомольскому приказу, а просто от души. Это я не фантазирую, а просто вспоминаю те времена и города, в которых мне довелось побывать. Круг недовольных и не веривших в советскую версию истории XX века был таким узким, что его и в бинокль трудно было разглядеть. Диссиденты не смогли даже легонько поколебать советскую систему. Всё сделали мы сами, по глупости и по отмашке ЦК КПСС и ее вождя Михаила Горбачева, который, на мой взгляд, сам не понимал, что делает.

– Вы не верите, что он был шпионом или заговорщиком?

– Не просто не верю, а уверен, что в жизни всё и проще, и сложнее. Особенно в современной политике. Его поймали на удочку всемирной любви. А стратегии развития страны у него не было. Зато он дал отмашку, что не только можно, но и нужно очернять нашу историю, вплоть до героических страниц Великой Отечественной войны. И началось. Летал ли Гагарин? Совершила ли подвиг Зоя Космодемьянская? Так ли умен был Ленин? Во всем стали сомневаться – и писать на эти темы статьи. Их охотно публиковали, а люди читали и удивлялись. Ведь раньше такой войны против святынь и представить было нельзя. Поэтому эта волна быстро (хотя и ненадолго) стала чертовски популярной. Я тоже этим пользовался – правда, редко писал тогда об истории. Но на темы, которые прежде считались запретными, конечно, писал. И по реакции публики чувствовал, что попадал в нерв. Но так

можно расшатать любую систему, начиная с американской. Везде есть свои табу и свои святыни. И, когда начинаешь их оплевывать и это разрешают сверху – народ какое-то время проявляет к этому восторженный интерес. Потом, между прочим, интерес сменился презрением.

– **Так было на вашей памяти?**

– Конечно. Можно вспоминать буквально по годам. 1988 год – в ходу злые шутки о дефиците, о сталинской системе, о Брежневе. Все это пользуется сенсационным успехом. Уж поверьте. О Горбачеве если и шутят, то с уважением, по-доброму. 1989 год – шутки становятся еще свободнее. Уже возможны издевательства над почти любыми советскими святынями. Возможна стала и едкая ирония по адресу самого главного перестройщика Горбачева. Начались пародии на него. Я тоже принял в этом участие. Все это усугубилось в 1990 году. И добавился фактор, если выражаться научно, антиленинизма. А точнее – высмеивание Ленина и революции. Тут уж нужно было втолковать аудитории, что всё было зря, все 70 лет советской власти. Это в то время вызывало самую мощную реакцию: восторг пополам со страхом. Мол, вот мы смелые какие, сатирики. А в 1991 очень многое изменилось. Да, сатира оставалась популярной, мы набрали широкую известность, нас ждали. Но уже не считали за «властителей дум». И критика советской системы уже проходила не так ярко. А в 1992 году рассказывать о советских «ужасах» так, как мы это делали в 1990-м, было уже просто са-

моубийством. В народе уже произошел раскол на «своих» и «чужих». Чужими считали богатое ворье, новых русских. К ним примыкали, в воображении нашей аудитории, многие артисты и писатели.

– **Это было справедливо?**

– Известным людям было чуточку легче адаптироваться к развалу 1991—92 годов. По крайней мере, мы не голодали. Хотя деньги, заработанные в предыдущие годы, у многих пропали. Впрочем, это не главное. Но я сразу почувствовал, что старые темы не срабатывают, они вызывают отторжение даже, если публика пришла на тебя, если она изначально по-доброму к тебе настроена. Вы знаете, что из-за этого Геннадий Хазанов – популярный, уважаемый артист – ушел с эстрады?

– **Расскажите.**

– Он по-прежнему толкал свои «антисоветские» монологи, которые писали для него Аркадий Хайт, Лион Измайлов, Виктор Шендерович, другие авторы. Кстати, я для него никогда не писал, но речь не об этом. А тут еще и пару раз Хазанов появился рядом с Ельциным, в его компании. И, если я не ошибаюсь, рядом с Гайдаром. И дал понять, что он именно по ту сторону баррикад. Не знаю, прав ли он был по-человечески, не мне судить. Но как актер эстрады, он сильно прогадал. Публика его просто перестала воспринимать. Он выходил – а его освистывали. В каких-то городах буквально выгоняли со сцены. Срывали на нем гражданский гнев. Хо-

телось выгнать Ельцина или Гайдара – а попался Хазанов. Ведь до этого он был фантастически популярен. Почти на уровне Райкина, Магомаева, Пугачевой. Его любили, ждали, он всегда выступал в переполненных залах, его на руках носили. Вполне заслуженная слава. И все изменилось в один миг. В один год. Вместе с шоковой терапией. Кстати, с тех пор Хазанов совсем не выступает на эстраде. Только на юбилеях выступает, а с эстрадой завязал. Даже, возглавив театр Эстрады, он дает там драматические спектакли, не эстрадные. Вот так артист обиделся на жанр, обиделся на эстрадную публику. А нужен был величайший такт, чтобы понять, что людям тяжело, что они ждут от сатиры не сервильности. Что новая власть для них уже – враг. Я тоже это прочувствовал, но не обиделся на публику, а перестроил свой репертуар и даже стиль. Я стал касаться тех тем, которые волновали людей в 1992-м, в 1993-м. И они, я надеюсь, не считали меня каким-то эмиссаром власти. Тем более, что я был искренен. Какое-то время в 1991 году я считал Ельцина оптимальным для России политиком на тот момент. Хотя горячим его поклонником не был никогда, видел какие-то недостатки. А гайдаровские реформы не принимал никогда. Сначала отнесся к ним с опаской, потом понял, что это просто уничтожение всего лучшего, что было в стране. И разочаровался в новой власти всерьез – уже в середине 1992 года. Это хорошо легло на настроения публики и позволило мне остаться на сцене. А иначе бы народ меня просто выгнал с

эстрады. Вот так все изменилось за несколько лет. Сейчас тоже нужен другой юмор, чем и в 1989, и в 1992 году. Другой! В том числе нужна политическая сатира и, возможно, скоро начнется ее время, ее новый виток развития.

– **Попомню ваши слова через несколько лет.**

– Замётано. Страна несколько устала от идиллии. А через несколько лет это усугубится. Поверьте, снова будут ждать суровой критики. Важно только не трогать историю, народ и его святыни. Этого делать нельзя. Сатира не должна быть разрушительной, хотя ломать, конечно, легче, чем строить. Этому нас в школе учили. В нынешних соросовских школах, наверное, учат другому. Каким-нибудь американским премудростям. И это, надо сказать, отвратительно. Наша система образования была уж точно одной из лучших в мире.

– **Признайтесь, вы сейчас лучше относитесь к советским временам, чем в конце 1980-х?**

– В душе я никогда не был диссидентом, антисоветчиком. Мой отец всегда иронически, а в последние годы – неприязненно относился и к тем, кто безоглядно во всем обвиняет Сталина, и к тем, кто готов уничтожить до основания все советское. И я в душе понимал, что он прав, даже, когда спорил с ним по молодости. Но в то же время, я видел недостатки, слабости того времени, той системы. Ведь было много дурного. И лжи хватало, и цензура свирепствовала. Хотя во многом, как оказалось, по делу. Самое главное, что всё познается в сравнении. И сегодня, побывав во многих странах

мира, я могу сказать, что советская основа была более здоровой, чем то, что мы видим в Штатах, в Европе, в Азии и в современной России. Это была, как выясняется, замечательная страна и я рад, что именно она нас воспитала. Вспомним, ведь тогда во главу угла ставились правильные ценности, по сравнению с которыми нынешние – просто какое-то мракобесие. Уважалась наука. Я все-таки учился в МАИ, хотя и посвящал немало времени самодеятельности, театру, своим первым писательским опытам. Всё равно я видел, какой великой технической державой был Союз, видел секретные институты, заводы. Какие люди там вкалывали! В последние годы я просто не вижу людей такого высокого класса. Ни у нас, ни за кордоном. Для них хотелось писать. Я считал, что могу повышать им настроение. Потому и пошел в эстрадники. А мог бы стать инженером или, например, историком.

– Вот и давайте вернемся к истории, хотя и эстрадные рассказы интересны.

– То, что мне вспомнилось о наших программах и о переменах вкусов зрителей в начале девяностых тоже уже – история. И я в последнее время многое перестал в эстраде понимать. А, если мужчина утверждает, что он перестал что-либо понимать в женщинах, значит, он в них окончательно разобрался. Согласны с этим?

– Трудно спорить. Думаю, мы сильно недооцениваем эту сторону социальной жизни – массовое сознание, культурные предпочтения аудитории. По ним о

многим можно судить, хотя желательно – без перегибов.

– Мы ведь почти ничего не знаем об истории последних лет. Газеты только путают. Блогеры – снова путают. Остается верить своим глазам и здравому смыслу. А о многом мы узнаем потом, спустя годы.

– Да, недавняя история – самая таинственная. Ведь ее суть скрывают от нас профессионально. Но, Михаил Николаевич, вы много времени отводите изучению истории праславян, славян, Рюрика. Почему старина так увлекла вас?

– Наши предки – и совсем далёкие, праславяне, и более близкие нам, славяне VIII–IX веков, как правило, выигрывали сражения. Но проигрывали летописи. То есть уступали в информационной войне. Это меня не устраивает. Я такой не один. И мы занялись поисками источников информации о далёком прошлом. Самую важную информацию можно получить у сельских жителей – у мудрых людей от земли. Они хранители осколков исторической правды.

– Ваши открытия не вызывают восторг у историков...

– Мне говорят: «Ты пользуешься мифами». Как будто это преступление! Но мифы историчны, а история – мифологична. Миф – это, конечно, преувеличенная быль, но там можно найти зерно и приблизиться к исторической правде, проследить её. Чего точно нельзя делать – это забывать мифы.

– **Давным-давно известный советский историк Борис Греков называл былины устным учебником народной истории.**

– Он понимал, о чем говорит. Народ больше правды сохраняет, чем правители и жрецы, он честнее. А официально признанные летописи всегда зависят от политической конъюнктуры или от идеологии автора. Иначе просто не бывает. Правду хранят крестьяне, а не учёные. Я много общался и общаюсь с людьми мудрыми – от земли, от сохи, они дали мне много поводов для размышлений. Учёных я провоцирую: вы смеётесь надо мной, когда я говорю о народной этимологии. Но народная этимология – единственно правильная, ведь народ хранит всё в родовой памяти. А у вас получается так: если слово из трёх букв написано на заборе в XVII веке и более ранних надписей такого рода не сохранилось, значит, до этой даты такого слова не было, потому что раньше в такой комбинации это слово не встречалось или не встречались заборы. Может быть, вообще не было такого органа? – делаем мы вывод только на том основании, что слово найдено на заборе с точно установленной датой... Но если вы не встретили этот орган на заборе раньше – это не значит, что его не было.

– **Какую историческую тайну вам удалось раскрыть?**

– Расскажу о тайне, которую как раз раскрыл не я. Но я способствовал тому, чтобы правду узнали не единицы, а

многие. Вот учёные много десятилетий ищут народ россов – кем они были, шведами или всё-таки славянами? Рослаген – это южный берег Швеции. Финны до сих пор называют шведов «руосами». Это дало повод немецким учёным и русским учёным, ориентированным на Запад, утверждать, что именно пришельцы из Скандинавии дали наименование нашей стране. Но на картах VII века это место Рослагеном не называется! Более того – в исследовании историка Лидии Грот (огромная ей благодарность!) я нашёл убедительные доказательства того, что до XIII века земля, позже названная Рослагеном, вообще пребывала под водой. Уровень моря тогда был выше нынешнего на 6–7 метров, и эта территория не была пригодна для жизни. Никакого Рослагена в те времена не существовало! Это от слова «русы» произошло шведское название, а не наоборот. «Русы» – это изначально не определение племени, а просто обозначение светлого цвета волос. Так было в те времена, когда никакой государственности не было ни у наших предков, ни у скандинавов. Русами арийцы называли светловолосых торговцев и воинов ещё до нашей эры. Это есть в арабских источниках. Отсюда происходит диковатая версия о происхождении слова «Иерусалим» – «ярые русы построили город». Доказательств этому нет. Забавно, остроумно, но я бы на этой точке зрения не настаивал, но иногда её озвучивать – можно... Важно другое: нет никакого чужеродного происхождения слова «Русь».

Учёные боятся простой житейской логики. Вот и выхо-

дит, что в определении истоков истории народная быль, память языка дают больше, чем учёные споры. Учёный не может мыслить так, как может мыслить человек, свободный от форматной точки зрения. Я обращаю ваше внимание на уникальный лицевой свод Ивана Грозного – десять томов. Там и о всемирной истории, и о русской.

– **Своеобразные комиксы той эпохи. История в художественных миниатюрах с краткими подписями.**

– Но текста там всё-таки больше, чем в комиксах. Намного больше. Кстати, миниатюры – иллюстрации – как раз не забыты. Их часто публикуют, в том числе в учебниках истории. Другое дело – тексты времен Ивана Грозного. Про них все забыли. И лежат эти десять томов в архиве. И за это время только три человека к ним обращались. И все трое – фотографы. Где же учёные? Им неинтересно, им всё известно заранее. Потом бизнесмен Герман Стерлигов всё это с помпой переиздал. Но он страстный православный – и убрал все, что связано с язычеством, в том числе – с греческим. И всё равно никого не заставил это читать. К тому же, это переиздано в старой орфографии. А нужен все-таки перевод на современный русский. Там много интересного, много и путаницы. Но во многом эти тома проливают свет на наше забытое и почти перечеркнутое прошлое. Важный труд!

– **И про Рюрика вроде бы заранее известно – чужак, пришедший на Ладогу править над племенами, чья земля была велика и обильна, а порядка не было.**

– Я никогда не верил, что Рюрик – скандинав. Никогда! А знал о нем с детства. Если славяне, русские так любят Рюрика, если легенды о Рюрике не умирают веками, если цари с гордостью вели свою династию от Рюрика, назывались Рюриковичами... Я не верил, что такое возможно, если Рюрик был всего лишь разбойником-скандинавом. И стал искать правду. Я прочитал Байера – этот немецкий историк был одним из первых российских академиков. Лучше бы он аспирин изобретал, а он написал первый учебник по русской истории, не зная ни страны, ни русского народа, ни языка... До того, как в середине XVIII века немецкие историки постановили, что Рюрик, Синеус и Трувор были скандинавами, таких сведений не было. Я прочитал и Шлёцера, и Миллера...

– Известных недругов Ломоносова...

– Вот вам и первый вопрос – почему мы не слушаем Ломоносова, а слушаем варягов от науки? Ответ я получил сразу. Все наши монархи XVIII века были немцами – кто по крови, кто по духу. Императрица Екатерина Вторая была немкой. Немка на русском престоле! Онемеченный двор ей потакал. Немцы были влиятельны.

– При этом сама Екатерина написала «Историческое представление из жизни Рюрика» – «подражание Шакеспиру», в котором варягороссы, между прочим, взяли Нант и дошли до Парижа. Там всё не так просто, Екатерина пыталась и польстить славянам, и обосно-

вать право пришлых монархов на царствование...

– Вы правы, и это очень интересный вопрос. Кстати, давайте перечитаем эту пьесу... Дело не только лично в Екатерине, а в многолетнем немецком засилье. Они должны были всячески доказать, что русский народ – талантливый, мужественный, богомольный, но неспособный управлять своим государством. Доказать, что наш народ нуждается в пришлых правителях – в германцах. А исторические труды Ломоносова и Татищева были отодвинуты в сторону и даже уничтожены. Они – образованнейшие люди того времени – утверждали, что история славян как минимум на две тысячи лет старше, чем это утверждают немцы.

– **Нечто похожее мы читаем и в «Майн кампф»: «Нераз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счёт именно германского ядра в её высших слоях населения». Это Гитлер не с потолка взял, здесь старая германская традиция.**

– Конечно, Байер, Шлёцер и Миллер всё сформулировали задолго до Гитлера, за что Ломоносов одному из академиков сломал нос. А они постарались уничтожить Ломоносова как историка – от его трудов ведь остались одни ошмётки... Когда я читал Байера и Миллера – порой не мог сдер-

жаться от смеха. Миллер выводит все русские имена и географические названия из шведского языка. Как можно имя Святослав вывести из шведского Свенельд? А Ярослав, Владимир? Как можно выводить из скандинавских языков слово «Ладога», понятное каждому русскому по корню «лад»? Кстати, их у нас практически не издавали. Сейчас запрещено издавать Гитлера. А я бы это всё переиздал. Возможно, с комментариями или с картинками. Ведь всем же всё сразу станет понятно.

Их цель предельно ясна: обосновать главенствующую роль Германии. В Германии эти постулаты никогда не забывались. У немцев это было в учебниках на протяжении многих веков, это комплекс немецкий. Потому что на территории Германии жили славяне, Берлин построили славяне – бодричи и лютичи. Что означает слово «Берлин»? Бер – это не просто «медведь», изначально это дух опасности, энергия опасности, выраженная в звуке.

Есть определённые вибрации звуковых полей, связанные с определёнными ощущениями. И выдаётся определённый звук, соответствующий этой вибрации. С этого и начинается праязык. Мистики в моих теориях не существует. Когда отец-кроманьонец идёт по лесу и говорит «Бр-р!» – сразу ясно, что впереди опасность, сын останавливается, настораживается. А если не «бр», а «мр» – это будет не страшно, а противно. И во всех языках эти первоначальные звуковые сочетания остались. «Мор» на всех языках – это смерть. Мураш-

ки по телу пойдут. Многое, конечно, зависит от климата. На севере властвуют твёрдые звуки, которые согревают. На юге звуки смягчаются. Вибрация – основа языка, праязыка.

Славянское прошлое Германии проступает в географических названиях, в преданиях... Это был славный период, когда разные племена западных славян дружили и их не могли победить.

– В те времена и началась история первого русского князя – Рюрика?

– Тут нужно разобраться – что означает «первый русский». Мы уже разобрались, что «Русь» – это широкое определение, которым могли называть и славянина, и норманна. Вот тут-то всё и запуталось. Главенствующий вопрос – кем были русы, пришедшие править на берега Ладоги и Волхова во главе с Рюриком? Ведь Нестор написал – варяго-руссы в отличие от других варягов...

Вообще в те времена хозяйничали и конкурировали две враждебные силы: варяги и викинги. Их нельзя смешивать. Варяги – это славянские банды, это защита от агрессии с Запада. А викинги – наоборот. Варяги – славяне, и в Ладоге, в Новгороде их воспринимали как братьев, разговаривали с ними на одном языке, молились одним богам. На Балтийском море, судя по всему, хозяйничали славяне, варяги, а не викинги, потому что море в то время называлось Варяжским. Они то разбойничали, то охраняли купечество. Славянам больше нравилось быть в охране, потому что торго-

вать славяне не любили и убийство у них считалось грехом. У норманнов же сын, в десять лет отрезавший голову врагу, считался подающим надежды. А у нас подающим надежды юношей считался тот, кто лихо обрюхатил соседку. Обычное дело, не правда ли?

На Западе сохранились хроники славян-ободритов, в которых и можно найти предание о Рюриках – и о нашем Рюрике, и о другом, о котором мы тоже ещё вспомним. Ободриты – они же бодричи – объединили славянские племена в борьбе против германских. Жили они на территории современных Германии и Польши. Они обрели такую силу, что даже непобедимый полководец Карл Великий заключил с ними мирный договор. Есть легенда, что перед этим бодричи хорошо врезали и Карлу – как позже потомки Рюрика врежут Наполеону и Гитлеру. Карл посчитал за благо заключить союз с бодричами, и вместе они легко завоевали германские племена на Ютландском полуострове.

Но германцы (произошедшие, в свою очередь, тоже, условно говоря, из праславянских племён) бодричам этого не простили. Одним из главных городов бодричей был Великград. Сейчас эта земля называется Мекленбург. Вообще герцогство Мекленбургское, известное по более поздним векам, возникло на землях бодричей. А неподалёку был так называемый княжий город – Ророк, то есть – сокол. А сокол у западных славян был священной, тотемной птицей, потому что сокол никогда не нападает со спины, никого не боит-

ся. И на знамени был сокол. А презирался ворон, который питается падалью. Между прочим, он был тотемной птицей викингов.

Имя Рюрика тоже посвящено соколу, созвучие уловить нетрудно. Бодричами правил отец Рюрика, Синеуса и Трувора – князь Готслав. Имя Готслав означает «ожидание славы». Ждать славу, годить славу... Согласно апокрифическим записям его женой была Умила, дочь ладожского князя, или, как его иногда называют, знатного мужа Гостомысла. То есть Рюрик был внуком Гостомысла, самого авторитетного человека в Ладоге. Я бы назвал его спикером или президентом, всеми уважаемым родовым старейшиной, председателем Вечевого собрания. Наше северное Вече – это, мне кажется, единственная демократия мира. Там ведь всё решают представители родов, а не делегаты, избранные за деньги или по хитрым рекламным технологиям. Но и вечевая демократия не могла продержаться долго, потому что демократия вообще утопична. Я давно понял: утопия – не коммунизм, а демократия. Хотя у наших далёких предков она была. И то – отчасти. Многое решал меч. А на Западе – монета и только она.

– На Руси деньги никогда не были чем-то самым главным.

– Да, презренный металл – это, на мой взгляд, отличная формулировка. Но вернёмся на север, к Готславу. Да нам и другим германским племенам удалось объединиться

против бодричей – и они разгромили Рарок, а Готслава убили. Сыновья Готслава, возмужав, стали варягами, возглавили дружину. Им удалось отомстить за отца. Рюрик совершил успешный поход в Ютландию – и то ли казнил, то ли в рабство отдал конунга, повинного в гибели Готслава. Это произвело впечатление на современников, принесло Рюрику первую славу. На территории нынешней Восточной Германии или Западной Польши у Рюрика было владение. Возможно, на одном из островов. Я склоняюсь к тому, что это было на острове Руяне. Я был на Руяне, это в современной Германии, между Берлином и Гамбургом. Там экскурсоводы с гордостью рассказывают о славянском прошлом острова. В музее Руяна-Рюгена вывешены даже копии изображений древних славянских богов: Свентовита, Перуна, Ярилы. По моему, даже Дажьбог там был... Наши славянские боже-ства. Их веками хотели перечеркнуть, а они всё равно остались и остаются в народной памяти.

Буяном, как у Пушкина – «Мимо острова Буяна, в царство славного Салтана», – этот остров стали называть потом. Видимо, из-за буйств, которые там произошли. Руян был крупным религиозным центром, туда приходили паломники с вопросами к богу Свентовиту. Это были северные Дельфы. Но не германский, а славянский религиозный центр! Там белый конь был, его выпускали, он как бы говорил о том, чего хочет бог Свентовит. Вот там, я подозреваю, и была ставка Рюрика – недаром память об острове Руяне сохранилась в русских

сказках, в том числе – у Арины Родионовны.

– **Кстати, как Вы относитесь к идее, что Рюрик – вымышленный персонаж – вроде Кощея Бессмертного.**

– Я и насчет Кощея не уверен, но это отдельный большой разговор. Вот Евгений Онегин – герой литературный, Геракл – тоже выдуманный. Вы знаете людей, чей род пошел от Евгения Онегина, Шерлока Холмса или Геракла? Нет таких. А от Рюрика вели свой род русские великие князья и цари. Неужели они были такими придурками, что думали, будто произошли от выдуманного человека? В древности Рюрик (Ререк) – очень распространенное мужское имя. У западно-славянских князей была традиция так нарекать старшего сына. Рюрик – значит «сокол». Было целое племя, которое величало себя рериками. Мы их знаем как ободритов – бодричей. И на их гербе был сокол. И вот этот сокол пикирующий превратился в трезубец, который сегодня на гербе Украины. Кстати, он был и на гербе города Ладога – сейчас это Старая Ладога в Ленинградской области, где стал княжить Рюрик. Замечательный город, между прочим, всем рекомендую его посетить. И музей там очень неплохой. К сожалению, в правящей элите Российской империи была популярна идея, что славяне – народ хороший, работающий и умный, но организовать их могут только немцы. В крайнем случае норманны, у которых тоже германские корни. Конечно, это голая политика. Но в итоге мы остались без своей истории. Живем не своей жизнью. Одежда, музыка, фильмы – все не

свое, а заемное. С немцами пытался бороться Михаил Ломоносов, он считал Рюрика славянином. Известно, что на ученом совете в академии Ломоносов даже подрался с одним из последователей Байера, официальным историографом государства Российского Миллером. Но и это не спасло отечественную историю. Хотя Ломоносов многое оставил и сильно нам помогает из своего XVIII века. Честь ему и хвала.

– А в чем основной политический вред этой придумки?

– Ну, представьте, как рассуждают сегодня неполноценно образованные молодые люди – через три века после появления норманской теории. Ах, мы без роду, без племени? Мы ни на что не способны? Мы исторический отстой? Тогда мы вам всем сейчас покажем! К сожалению, до сих пор в официальной истории побеждает норманнская теория. Она же «кодирует» молодежь и в школьных учебниках.

В результате преумножается невежество. Мы с моими помощниками на одном из интернетовских форумов провели опрос молодёжи не под моим именем: «Кем, по-вашему, был Рюрик по национальности?»

Большинство ответило... шведом! Чуть меньшее число опрошенных назвали его норвегом (именно так, даже не норвежцем). Трое ответили – финн. Двое – немец. Только один почему-то считал, что Рюрик англичанин. Сорок процентов ответов – «Я точно не знаю, да и какое это имеет значение». Немало тех, кто переспросил: «А кто это?» Но один ответ

мне понравился особенно:

– А, Рюрик... Ну это тот, кто у нас в городе крышует бензоколонки. Но его недавно посадили вместе с Кренделем.

Нормально, да? Рюрик, оказывается, друган Кренделя. Это был лучший ответ, между прочим. По крайней мере, остроумный.

– Рюрик, как утверждают специалисты – достаточно популярная кличка в известных кругах.

– А почему? Историческая память берет свое. Династию Рюриковичей все-таки крепко помнят. Память, которая передается через сказки, былины и песни – это великое дело. Малоизученное, между прочим. Ученые ведь любят рапорты писать, отчитываться, а погружаться в прошлое, находить закономерности – на это у них времени не хватает. Поэтому и русские былины все еще не изданы, как подобает.

– Кстати, при советской власти их изучали лучше, чем когда-либо.

– Конечно. Тогда идеология придавала народному творчеству важное значение. И это вполне резонно. Только в фольклоре и сохраняются осколки прошлого. Подлинные. Конечно, с позднейшими добавлениями, фантазиями. Но основа сохраняется, по ней о многом можно судить. Я бы все основные русские былины включил в школьную программу. И не только в младших классах.

– Согласится ли с этим министерство образования?

– Конечно, не согласится. У них – болонская система. То

есть – мы должны стать болонками у американских хозяев. Все гранты уже получены и, как сейчас говорят, освоены. Очень красноречивое словцо. Добра от него не жду.

– **Что представляло собой окружение Рюрика?**

– Там, конечно, случались и противоречия. Один из самых опытных его воинов – скандинав – требовал новых походов на германские племена. Рюрик, видимо, стремился к более оседлой, к более цивилизованной жизни. Тогда тот скандинав откололся от Рюрика, организовал свою разбойничью шайку и начал грабить германские сёла. Поскольку о Рюрике, отомстившем за отца, шла слава, он взял его имя. Самозванец! Это был известный Рюрик Ютландский, негодяй редкостный. Его так боялся датский правитель, что дал ему замок, дал ему жён – лишь бы он перестал его грабить. Он принял христианство, а на момент призвания был уже глубоким старцем. Вряд ли язычник Гостомысл призвал бы пожилого христианина с криминальным прошлым. Иногда учёные отождествляют его – скандинава Рюрика Ютландского – с тем варягом, которого призвали на Ладогу. Но не сходится! Он и умер на Западе, а наш Рюрик, как известно, умер на Новгородской земле.

Даны и другие германские племена поняли, что славян можно вытеснить с хороших плодородных территорий (это территория нынешней Германии), если постоянно их между собой ссорить. Славянские племена ссорили между собой и по-одному завоёвывали, оттесняли... Междоусобицы гу-

бят славян. Но это понимал и мудрый Гостомысл. Гостомысл мечтал объединить славян, чтобы создать мощную непобедимую силу. И, как гласит легенда, в вещем сне он увидел, что из чрева его дочери Умилы родится великодержавное древо. Волхвы истолковали сон нужным образом: дети Умилы должны стать наследниками Гостомысла, что они приведут землю к процветанию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.